

ТЕМА: АРХАИЧЕСКАЯ ГРЕЦИЯ В 8–6 ВВ. ДО Н.Э.

- 1 Социально-экономическое развитие Греции на рубеже 9–8 вв. до н.э.
- 2 Великая греческая колонизация: причины, направления, результаты.
- 3 Особенности формирования полисного строя в Спарте.
- 4 Особенности формирования полисного строя в Афинах.

Литература

- 1 Геродот. История (в девяти книгах) / Геродот. – Л., 1972.
- 2 Гесиод. Полное собрание текстов. Поэмы. Фрагменты / Гесиод. – М., 2001.
- 3 Хрестоматия по истории древнего мира: в 3 ч. / под ред. В.В. Струве. – М., 1951. – Ч.2.
- 4 Древняя Греция: учебное пособие для вузов / С.В. Новиков [и др.]. – М., 2006.
- 5 История Древней Греции / В.И. Кузищин [и др.]. – М., 2006.
- 6 История древнего мира: в 3 т. / под ред. И.М. Дьяконова [и др.]. – М., 1989.
- 7 Андреев, Ю.В. Раннегреческий полис / Ю. В. Андреев. – Л., 1976.
- 8 Античная Греция: в 2 т. – М., 1983.
- 9 Берве, Г. Греческие тираны / Г. Берве. – Ростов-на-Дону, 1997.
- 10 Боннар, А. Греческая цивилизация: в 3 т. / А. Боннар. – М., 1962, 1992, 1996.
- 11 Доватур, А.И. Рабство в Аттике VI–V вв. до н.э. / А.И. Доватур. – Л., 1980.
- 12 Доватур, А.И. Феогнид и его время / А.И. Доватур. – Л., 1988.
- 13 Залюбовина, Г.Т. Архаическая Греция / Г.Т. Залюбовина. – М., 1992.
- 14 Фролов, Э.Д. Рождение греческого полиса / Э.Д. Фролов. – Л., 1988.
- 15 Фролов, Э.Д. Греческие тираны / Э.Д. Фролов. – Л., 1972.
- 16 Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток / В.П. Яйленко. – М., 1990.
- 17 Яйленко В.П. Греческая колонизация VII–III вв. до н.э. / В.П. Яйленко. – М., 1982.

1 Социально-экономическое развитие Греции на рубеже 9–8 вв. до н.э.

Так называемый архаический период, охватывающий 9–8 вв. до н.э., является началом нового важного этапа в истории древней Греции. Первым и наиболее важным признаком, свидетельствующим о переходе греческого общества от варварства к цивилизации, было образование городов. Именно в архаическую эпоху город впервые по-настоящему отделился от деревни и политически, а также экономически подчинил её себе. Это событие было связано с отделением ремесла от сельского хозяйства и развитием товарно-денежных отношений.

Почти все греческие города, за исключением колоний, выросли из укрепленных поселков гомеровской эпохи – полисов, сохранив за собой это древнее название. Между гомеровским полисом и сменившим его полисом архаическим имелось, однако, одно весьма существенное различие. Гомеровский полис был в одно и то же время и городом и деревней, так как никаких других соперничающих с ним поселений на подвластной ему территории не существовало. Архаический полис, напротив, представлял собой столицу карликового государства, в состав которого кроме него самого входили также деревни (комы), располагавшиеся по окраинам территории полиса и политически от него зависевшие. Следует также учитывать, что в сравнении с гомеровским временем греческие полисы архаического периода стали крупнее. Это укрупнение происходило как за счёт естественного прироста населения, так и за счёт искусственного слияния нескольких поселков деревенского типа в один новый

город. К этой мере, называвшейся по-гречески синойкизм (букв. – совместное поселение), прибегали многие общины для того, чтобы укрепить свою обороноспособность перед лицом враждебных соседей. Но больших городов в современном понимании этого слова в Греции ещё не было. Полисы с населением в несколько тысяч человек были исключением: в большинстве городов численность жителей не превышала, по-видимому, и тысячи человек.

Главным жизненным центром раннегреческого города была так называемая агора, служившая местом народных собраний граждан и в то же время использовавшаяся как рыночная площадь. Свободный грек проводил здесь большую часть своего времени. Здесь он продавал и покупал, узнал все важные городские новости, здесь же в сообществе других граждан полиса занимался политикой – решал государственные дела. Первоначально агора была просто открытой площадью, лишённой каких бы то ни было построек. Позднее на ней стали устраивать деревянные или каменные сиденья, ступенями поднимавшиеся друг над другом. На этих скамьях размещался народ во время собраний. В ещё более позднее время (уже в конце архаического периода) по сторонам площади воздвигались навесы – портики, защищавшие людей от лучей солнца.

Прямо на агоре или неподалёку от неё располагались правительственные здания полиса: булевтерий – здание городского совета (буле), пританей – место для заседаний правящей коллегии пританов (притан в Афинах, например, – член государственного совета из 50 избравшихся (по 5 от каждой филы) граждан, которые правили в течение 1/10 года в буле и экклесии (народном собрании), дикастерий – здание суда и т.п. На агоре же выставлялись для всеобщего ознакомления новые законы и распоряжения правительства.

Среди построек архаического города выделялись своими размерами и величием убранства храмы главных олимпийских богов и знаменитых героев. Отдельные части наружных стен греческого храма были раскрашены в яркие тона и богато украшены скульптурой (также раскрашенной). Храм считался домом божества, и оно присутствовало в нем в виде своего изображения. Первоначально это был всего лишь грубый деревянный идол, имевший весьма отдалённое сходство с человеческой фигурой. Однако к концу архаической эпохи греки уже настолько усовершенствовались в пластическом искусстве, что высеченные ими из мрамора или отлитые в бронзе статуи богов вполне могли бы сойти за живых людей (греки представляли себе своих богов человекоподобными существами, наделёнными даром бессмертия и сверхчеловеческим могуществом). В праздничные дни бог, наряженный в свою лучшую одежду (для таких случаев в каждом храме имелся специальный гардероб), увенчанный золотым венком, милостиво принимал дары и жертвоприношения от граждан полиса, являвшихся в храм в торжественной процессии. Прежде чем приблизиться к святыне, процессия проходила через город под звуки флейт с гирляндами живых цветов и зажжёнными факелами, в сопровождении вооружённого эскорта. С особым величием справлялись празднества в честь божества данного полиса. У каждого полиса был свой особый покровитель или покровительница. Так, в Афинах это была Афина Паллада, в Аргосе – Гера, в Коринфе – Афродита, в Дельфах – Аполлон. Храм бога-«градодержца» находился обычно в городской

цитадели, которую греки называли акрополем, т. е. «верхним городом». Здесь хранилась государственная казна полиса. Сюда поступали штрафы, взимающиеся за различные преступления, и все другие виды доходов государства. В Афинах уже в 6 в. до н.э. вершина неприступной скалы акрополя была увенчана монументальным храмом Афины – главной богини города.

Известно, как много места занимали в жизни древних греков атлетические состязания. Начиная с древнейших времён в греческих городах устраивались специальные площадки для упражнений молодёжи – гимнасии и палестры. Юноши и подростки проводили там целые дни независимо от времени года, усердно занимаясь бегом, борьбой, кулачными боями, прыжками, метанием копья и диска. Ни один большой праздник не обходился без массового атлетического состязания – агона, в котором могли принимать участие все свободнорождённые граждане полиса, а также специально приглашённые чужеземцы. Некоторые агоны, пользовавшиеся особой популярностью, превращались в межполисные общегреческие празднества. Таковы знаменитые Олимпийские игры, на которые каждые четыре года стекались атлеты и «болельщики» со всего греческого мира, включая даже и самые отдалённые колонии. Государства-участники готовились к ним не менее серьёзно, чем к предстоящей военной кампании. Победа или поражение в Олимпии были делом престижа каждого полиса. Победителя-олимпионика благодарные сограждане осыпали поистине царскими почестями (иногда даже разбирали городскую стену, чтобы расчистить путь для триумфальной колесницы победителя: считалось, что персону такого ранга в обычные ворота пройти не может).

Таковы основные элементы, из которых складывалась повседневная жизнь гражданина греческого полиса в архаическую эпоху. А так как всеми указанными выше видами духовной и физической деятельности можно было заниматься только в городе, то греки не представляли себе нормальной человеческой жизни вне городских стен. Лишь такой образ жизни считали они достойным свободного человека — настоящего эллина, и в этом особом образе жизни они видели своё главное отличие от всех окружающих «варварских» народов.

Порождённый мощным всплеском экономической активности, которым сопровождалась Великая колонизация, раннегреческий город, в свою очередь, стал важным фактором дальнейшего экономического и социального прогресса. Городской уклад жизни с характерным для него интенсивным товарообменом и другими видами хозяйственной деятельности, в которых принимали участие массы людей самого различного происхождения, с самого начала вступил в противоречие с тогдашней структурой греческого общества, основанной на двух главных принципах: принципе сословной иерархии, разделяющем всех людей на «лучших», или «благородных», и «худших», или «низкородённых», и принципе строгой обособленности отдельных родовых союзов как друг от друга, так и от всего внешнего мира.

В городах процесс ломки межродовых барьеров пошёл особенно быстрыми темпами. Люди, принадлежавшие к разным родам, филам и фратриям, не только теперь жили бок о бок, в одних и тех же кварталах, но и вступили в деловые и просто дружеские контакты, заключали брачные союзы. Постепенно стиралась

грань, отделявшая старинную родовую знать от состоятельных купцов и землевладельцев, вышедших из простонародья. Происходило сращивание этих двух прослоек в единый господствующий класс рабовладельцев. Главную роль в этом процессе играли деньги – наиболее доступный и наиболее мобильный вид собственности. Мегарский поэт 6 в. до н.э. Феогнид писал об этом: «Деньги в почёте всеобщем. Богатство смешало породы».

С ростом городов связан прогресс в области внутриволисного и международного права. Необходимость дальнейшего развития товарно-денежных отношений, сплочение всего населения полиса в единый гражданский коллектив трудно было согласовать с традиционными принципами родового права и морали, в соответствии с которыми каждый чужак – выходец из чужого рода или фратрии воспринимался как потенциальный враг, подлежащий уничтожению или превращению в раба. В архаическую эпоху эти воззрения постепенно начинают уступать своё место более широким и гуманным взглядам, согласно которым существует некая божественная справедливость, распространяющаяся в равной степени на всех людей, независимо от их родовой или племенной принадлежности.

О реальном прогрессе общественного правосознания свидетельствуют древнейшие сборники законов, приписываемые знаменитым законодателям: Драконту, Залевку, Харонду и др. Судя по сохранившимся отрывкам, кодексы эти были ещё очень несовершенны и содержали в себе немало архаичных правовых норм и обычаев: в основе своей законы Драконта и им подобные были записью уже существовавшего обычного права. Многие из этих законов уходят своими корнями в глубины первобытной эпохи, как, например, экзотический обычай привлечения к судебной ответственности «совершивших убийство» животных и неодушевлённых предметов, с которыми мы сталкиваемся в одном из дошедших до нас фрагментов из законов Драконта. Вместе с тем сам факт записи права нельзя не оценить как положительный сдвиг, поскольку он свидетельствует о стремлении положить предел самоуправству влиятельных семей и родов и добиться подчинения рода судебному авторитету полиса.

Законы должны были препятствовать тенденции установления тирании. Те же законы Драконта (один из афинских архонтов – в 621 г. до н.э. по поручению ареопага обобщил действующие обычаи, ввёл новые нормы, отражающие реалии 7 в. до н.э. и опубликовал собрание законов) стали результатом попытки афинского аристократа Килона установить свою тиранию и отстранить от власти ареопаг и коллегия архонтов. Он обещал недовольным афинянам – основной массе народа – улучшение их тяжёлого положения. Однако эта попытка не удалась: народ не поддержал авантюриста, а архонты и знать сумели подавить заговор и уничтожить заговорщиков. Власть родовой аристократии была восстановлена. Однако тяжёлое положение основной массы народа не изменилось, и опасность новых заговоров против господства эвпатридов (древнейшие аттические аристократы) оставалась. Желая несколько разрядить напряжённую ситуацию, правящая знать пошла на уступку народу в той области, где её интересы всерьёз не затрагивались.

Запись законов и введение правильного судопроизводства способствовали

изживанию таких старинных обычаев, как кровная месть или мзда за убийство. Теперь убийство уже не считается частным делом двух семей: семьи убийцы и семьи его жертвы. В решении спора участвует вся община, представленная её судебными органами.

Передовые нормы морали и права распространяются в эту эпоху не только на соотечественников, но и на граждан других полисов, и на чужеземцев. Труп убитого врага уже не подвергался надругательствам, а выдавался родственникам для погребения. Свободных эллинов, захваченных в плен на войне, как правило, уже не убивали и не превращали в рабов, а возвращали на родину за выкуп. Принимались меры для искоренения морского пиратства и разбоя на суше. Отдельные полисы стали заключать между собой договоры, гарантируя личную безопасность и неприкосновенность имущества граждан, если они окажутся на чужой территории. Эти шаги к сближению были вызваны реальной потребностью в более тесных экономических и культурных контактах. В известной мере это вело к преодолению былой замкнутости отдельных полисов и постепенному развитию общегреческого (панэллинского) патриотизма.

Именно города были в архаический период главными очагами достижений передовой культуры. Здесь получила широкое распространение новая система письма – алфавит. Он был намного удобнее слогового письма микенской эпохи: состоял всего из 24 знаков, каждый из которых имел твёрдо установленное фонетическое значение. Если в микенском обществе грамота была доступна лишь немногим посвящённым, входившим в замкнутую группу писцов-профессионалов, то теперь она становится общим достоянием всех граждан полиса (каждый мог овладеть элементарными навыками письма и чтения в начальной школе). Новая система письменности явилась поистине универсальным средством передачи информации. Всё это обусловило быстрый рост грамотности среди населения греческих полисов и, несомненно, способствовало дальнейшему прогрессу культуры во всех основных её областях.

Однако весь этот прогресс имел и свою оборотную, теневую сторону. Стремительное развитие товарно-денежных отношений, вызвавшее к жизни первые города с их передовой культурой, отрицательно отразилось на положении греческого крестьянства. Почти повсеместно в Греции мы наблюдаем одну и ту же картину: крестьяне массами разоряются, лишаются своих наделов и пополняют ряды батраков – фетов.

Коренная ломка привычного житейского уклада весьма болезненно действовала на сознание людей архаической эпохи. В поэме первого исторически достоверного древнегреческого поэта Гесиода (8–7 вв. до н.э., Беотия) «Труды и дни» (или «Работы и дни») вся история человечества представлена как непрерывный упадок и движение вспять от лучшего к худшему. На земле, по мнению поэта, уже сменились четыре человеческих поколения: золотое, серебряное, медное и поколение героев. Каждое из них жило хуже, чем предыдущее, но самый тяжкий удел достался пятому, железному поколению людей, к которому причисляет себя и сам Гесиод.

Сознание своей беспомощности перед лицом «царей-дароядцев» («цари» (басилеи) у Гесиода, так же как и у Гомера, – представители

местной родовой знати, стоящие во главе общины), по-видимому, особенно угнетало поэта-крестьянина.

В те времена, когда Гесиод создавал свои «Труды и дни», могущество родовой знати в большинстве греческих полисов оставалось ещё непоколебленным. Но спустя каких-нибудь сто лет картина коренным образом изменилась. Об этом мы узнаем из стихов другого поэта, уроженца Мегары Феогнида. Феогнид, хотя по рождению он принадлежал к высшей знати, чувствует себя очень неуверенно в меняющемся на глазах мире. Он, так же как и Гесиод, склонен весьма пессимистично оценивать свою эпоху.

Стихи Феогнида показывают, что процесс имущественного расслоения общины затрагивал не только крестьянство, но и знать. Многие аристократы, обуреваемые жадной наживой, вкладывали своё состояние в различные торговые предприятия и спекуляции, но, не имея достаточной практической сметки, разорялись, уступая место более цепким и изворотливым выходцам из низов, которые благодаря своему богатству поднимаются теперь на самую вершину социальной лестницы. Эти «выскочки» вызывают в душе поэта-аристократа дикую злобу и ненависть. В мечтах он видит народ возвращённым в его прежнее, полурабское состояние:

«Твердой ногой наступи на грудь суемыслящей черни,
Бей ее медным бодцом, шею пригни под ярмо!..
Нет под всевидящим солнцем, нет в мире широком народа,
Чтоб добровольно терпел крепкие вожжи господ...»

Стихи Феогнида запечатлели момент, когда взаимная вражда и ненависть борющихся партий достигли своей высшей точки. Мощное демократическое движение охватило в это время города Северного Пелопоннеса, в том числе и родной город Феогнида Мегару, а также Аттику, островные полисы Эгейского моря, ионийские города Малой Азии и даже отдалённые западные колонии Италии и Сицилии.

Повсюду демократы выдвигают одни и те же лозунги: «Передел земли и отмена долгов», «Равенство всех граждан полиса перед законом» (исономия), «Передача власти народу» (демократия). Это демократическое движение было неоднородно по своему социальному составу. В нём принимали участие и богатые купцы из простонародья, и зажиточные крестьяне, и ремесленники, и обездоленные массы сельской и городской бедноты. Если первые добивались, прежде всего, политического равенства со старинной знатью, то последних гораздо больше привлекала идея всеобщего имущественного равенства, что означало в тогдашних условиях возвращение назад, к традициям общинного родового строя, к регулярным переделам земли.

Во многих местах доведённые до отчаяния крестьяне пытались осуществить на практике патриархальную утопию Гесиода и вернуть человечество обратно в «золотой век». Воодушевлённые этой идеей, они захватывали имущество богачей и знати и делили его между собой, сбрасывали со своих полей ненавистные закладные столбы (воздвигались кредитором на поле должника в знак того, что поле являлось залогом уплаты долга и могло в случае его неуплаты быть отобрано), сжигали долговые книги ростовщиков.

Защищая свою собственность, богачи все чаще прибегали к насилию и террору, и таким образом накапливавшаяся веками классовая вражда перерастает в настоящую гражданскую войну. Восстания и государственные перевороты, сопровождавшиеся зверскими убийствами, массовыми изгнаниями и конфискациями имущества побеждённых, становятся в это время обычным явлением в жизни греческих городов-государств. Во многих из них длившийся иногда десятилетиями социально-политический кризис разрешался установлением режима личной власти. Истощённая бесконечными внутренними смутами и распрями полисная община уже не могла противостоять притязаниям влиятельных лиц на единоличную власть, и в городе устанавливалась диктатура «сильного человека», который правил, не считаясь с законом и с традиционными учреждениями: советом, народным собранием и т.д. Таких узурпаторов греки называли тиранами (само это слово было заимствовано греками из лидийского языка и первоначально не имело бранного смысла), противопоставляя их древним царям-басилеям, правившим на основании наследственного права или всенародного избрания.

Захватив власть, тиран начинал расправу со своими политическими противниками – их казнили без суда и следствия. Целые семьи и даже роды отправлялись в изгнание, а их имущество переходило в казну тирана. В позднейшей исторической традиции, в основном враждебной тирании, само слово «тирания» стало в греческом языке синонимом беспощадного кровавого произвола. Чаще всего жертвами репрессий становились выходцы из старинных аристократических фамилий. Острые террористической политики тиранов было направлено против родовой знати. Тираны всячески ущемляли интересы этой социальной группы, запрещая аристократам заниматься гимнастикой, собираться на совместные трапезы и попойки, приобретать рабов и предметы роскоши. Знать, являвшаяся наиболее организованной и вместе с тем самой влиятельной и богатой частью общины, представляла наибольшую опасность для единоличной власти тирана, заставляя его постоянно опасаться организованных ею заговоров, покушений, мятежей.

По-иному складывались отношения тирана с народом. Многие тираны архаической эпохи начинали свою политическую карьеру в качестве простатов, т.е. вождей и защитников демоса. Знаменитый Писистрат, захвативший власть над Афинами в 562 г. до н.э., опирался на поддержку беднейшей части афинского крестьянства, которая обитала, в основном, в гористых внутренних районах Аттики. «Гвардию» тирана, предоставленную Писистрату по его просьбе афинским народом, составил отряд из трёхсот человек, вооружённых дубинами (обычное оружие греческого крестьянства в то смутное время). С помощью этих, «дубиноносцев» Писистрат захватил афинский акрополь и таким образом стал хозяином положения в городе. Находясь у власти, тиран задабривал демос подарками, бесплатными угощениями и увеселениями во время праздников. Так, Писистрат ввёл в Афинах дешёвый сельскохозяйственный кредит, ссужая нуждающихся крестьян инвентарём, семенами, скотом. Он учредил два новых всенародных празднества: Великие Панафинеи и Городские Дионисии и справлял их с необыкновенной пышностью. Стремясь добиться популярности среди народа,

многие тираны благоустраивали города: строили водопроводы и фонтаны, сооружали великолепные храмы, портики на агоре и т. д.

Всё это, однако, ещё не даёт нам права считать самих тиранов «борцами» за народное дело. Главной целью тиранов было всемерное укрепление владычества над полисом и в перспективе – создание наследственной династии. Осуществить эти замыслы тиран мог, лишь сломив сопротивление знати. Для этого ему и нужна была поддержка демоса или, по крайней мере, благожелательный нейтралитет с его стороны. В своём «народолюбии» тираны обычно не шли дальше незначительных подачек и демагогических посулов толпе. Никто из тиранов не пытался осуществить на деле основные лозунги демократического движения: «Передел земли» и «Отмена долгов». Никто из них ничего не сделал для того, чтобы демократизировать государственный строй полиса. Напротив, постоянно нуждаясь в деньгах для выплаты жалования наёмникам, для своих строительных предприятий и других надобностей, тираны облагали подданных неизвестными ранее налогами. Так, при Писистрате афиняне ежегодно отчисляли в казну тирана 1/10 своих доходов.

Тираны применяли по отношению к народным массам тактику «кнута и пряника». Заигрывая с демосом и пытаясь привлечь его на свою сторону как возможного союзника в борьбе со знатью, тираны в то же время боялись народа. Чтобы обезопасить себя с этой стороны, они нередко прибегали к разоружению граждан полиса и вместе с тем окружали себя наёмными телохранителями из числа чужеземцев или отпущенных на свободу рабов. Всякое скопление людей на городской улице или площади внушало тирану подозрения: ему казалось, что граждане что-то затевают, готовят мятеж или покушение; жилище тирана располагалось обычно в городской цитадели – на акрополе. Только здесь тиран мог чувствовать себя хотя бы в относительной безопасности. Естественно, что в таких условиях действительно прочного союза между тираном и демосом не было и не могло быть. Единственной реальной опорой режима личной власти в греческих городах-государствах была наёмная гвардия тиранов.

Стремясь придать больше блеска своему правлению и увековечить своё имя, многие тираны привлекали к своим дворам выдающихся музыкантов, поэтов, художников. Такие греческие полисы, как Коринф, Сикион, Афины, Самос, Милет, стали под властью тиранов богатыми, процветающими городами, украсились новыми великолепными постройками. Некоторые из тиранов вели довольно успешную внешнюю политику. Периандр, правивший в Коринфе в 627–585 гг. до н.э., сумел создать большую колониальную державу, простиравшуюся от островов Ионического моря до берегов Адриатики. Знаменитый тиран о-ва Самос Поликрат за короткое время подчинил своему владычеству большую часть островных государств Эгейского моря. Писистрат успешно боролся за овладение морским путём, соединявшим Грецию через коридор проливов и Мраморное море с Причерноморьем. Тем не менее, вклад тиранов в социально-экономическое и культурное развитие архаической Греции нельзя преувеличивать. Великий греческий историк Фукидид дал трезвую и беспристрастную оценку тирании: «Все тираны, бывшие в эллинских государствах, обращали свои заботы исключительно на свои интересы, на безопасность своей личности и на

возвеличение своего дома. Поэтому при управлении государством они преимущественно, насколько возможно, озабочены были принятием мер собственной безопасности; ни одного замечательного дела они не совершили, кроме разве войн отдельных тиранов с пограничными жителями».

Не имея прочной социальной опоры в массах, тирания не могла стать устойчивой формой государственного устройства греческого полиса. Такие греческие историки и философы, как Геродот, Платон и Аристотель, видели в тирании ненормальное, противоестественное состояние государства, своеобразную болезнь полиса, вызванную политическими смутами и социальными потрясениями, и были уверены, что долго это состояние продолжаться не может. Лишь немногие из греческих тиранов архаического периода сумели не только удержать за собой захваченный ими престол, но и передать его по наследству своим детям.

Тирания лишь ослабила родовую знать, но окончательно сломить её могущество не смогла, да, вероятно, к этому и не стремилась. Во многих полисах вслед за свержением тирании снова наблюдаются вспышки острой борьбы. Но в круговороте гражданских войн постепенно зарождается новый тип государства – рабовладельческий полис. Тирания лишь притормозила процесс развития рабовладельческого государства, но не остановила его. Переболев этой «болезнью», греки укрепили свой политический «иммунитет», убедившись на практике, что меняя свою свободу на безопасность, обещанную им тиранами (защитниками народа – простатами), они лишились и того, и другого.

Ещё одним важным явлением архаической эпохи стала Великая греческая колонизация 8–6 вв. до н.э. – процесс массового выселения греков из городов Эгейского бассейна в многочисленные колонии («колония» – латинское слово; по-гречески вновь основанное поселение называлось «апойкия»), расположенные на побережьях Средиземного и Черного морей. Основание колоний в разных местах, в частности на о. Сицилия, в Южной Италии, в Финикии, проводили и критские правители, и ахейские цари во 2 тыс. до н.э. Но эта ранняя колонизация была довольно эпизодическим явлением, а в 8–7 вв. до н.э. она приобрела характер массового исхода греческого населения из Эгейского региона по всему побережью Средиземного и Чёрного морей. В колонии переселилось не менее четверти греческого населения, которое основало несколько сот городов, многие из которых превратились впоследствии в цветущие и благоустроенные полисы.

Основные причины массовой колонизации определялись потребностями полисной экономики в новых землях, новых источниках сырья, с одной стороны, и новых рынков сбыта своей ремесленной и сельскохозяйственной продукции (прежде всего вина и оливкового масла) – с другой. Ещё одной причиной стал процесс социальной дифференциации среди граждан рождающегося полиса, в частности появление массы обедневших сородичей, которые были готовы искать счастья и удачи в иных местах. Наконец, к эмиграции подталкивало резкое возрастание рождаемости в Греции 8–6 вв. до н.э., своего рода демографический взрыв. Создавалось избыточное население, которое не находило своего места на родине и ориентировалось на переселение в колонии.

Таким образом, колонизация решала несколько наболевших проблем

возникающих при формировании полисного строя:

- расширялись потенциальные возможности для развития экономики;
- за счёт выселения недовольных элементов несколько смягчилась социальная напряжённость;
- перенаселённые полисы избавилось от избыточного населения.

Массовое переселение греков на новые места не было хаотическим процессом, а определялось действием некоторых упорядочивающих факторов. Так, в начале колонизации (середина 8–7 в. до н.э.) стало формироваться западное направление – основание городов на о. Сицилия, в Южной Италии и далее в Южной Галлии и на восточном побережье Испании. Его выбор определялся исторической традицией и преемственностью с ахейскими временами, с одной стороны, и созданием такого мощного организующего колонизационный поток центра, как город Коринф – одного из самых больших и процветающих греческих полисов 8–7 вв. до н.э., – с другой. Именно в это время основываются такие крупные города, как Сиракузы (733 г. до н.э.), Регий (720 г. до н.э.), Тарент (706 г. до н.э.), Сибарис, Кротон, Акрагант и многие другие. Сицилия и Южная Италия были настолько густо усеяны греческими городами, что этот регион получил название «Великая Греция», т.е. как бы «расширенная за пределы Эгеиды Греция». На южном берегу Галлии в устье реки Родан (совр. Рона) в 600 г. до н.э. была основана Массалия (совр. Марсель), через которую по р. Родан греческие товары распространялись во внутренние области Галлии. На северо-восточном побережье Испании, недалеко от современной Барселоны был основан важный город-порт Эмпориум.

Другим важнейшим направлением колонизации стало северо-восточное – район черноморских проливов (Геллеспонта и Боспора) и побережья Чёрного моря. Особой активностью в организации колонизационного потока здесь отличился г. Милет, по своему богатству и политической роли вряд ли уступавший Коринфу. По преданию, Милет в этом направлении организовал основание 100 (!) различных городов и колоний. Наиболее крупными из них были города Кизик, Халкедон и Византий (на побережье проливов), города Гераклея Понтийская и Синопа (на южном побережье Чёрного моря), Истрия, Аполлония и Каллатия (на западном побережье). С начала 6 в. до н.э. началось освоение Северного Причерноморья. Здесь были основаны города Ольвия, Тира, Феодосия, Пантикапей, Фанагория, Горгиппия. В конце 6 в. до н.э. несколько колоний, выведенных на европейский и азиатский берег Керченского пролива, объединились вокруг города Пантикапея и создали крупное для того времени государственное образование, получившее название Боспорское государство, или Боспор.

Наиболее крупными греческими полисами на кавказском побережье Чёрного моря были города Диоскуриада (совр. Сухуми), Питиунт (совр. Пицунда), Фасис (совр. Поти).

В отличие от западного и северо-восточного направлений колонизационный поток на юго-восток и юг, т.е. в район Восточного Средиземноморья (Сирия и Финикия) и Египта, был выражен значительно слабее. Эти области контролировались такими сильными восточными державами, как Ассирийская,

Вавилонская, Египетская, которые ограничивали проникновение греков на свои территории, а те поселения, которые древневосточные монархи разрешали грекам основывать, были поставлены под их жёсткий контроль. Наиболее крупными из немногих греческих поселений, основанных в этом регионе, были Аль-Мина в Сирии, Сукас в Финикии, Навкратис и Дафны в Египте. Лишь город Кирена (630 г. до н.э.), основанный в плодородной местности в Ливии, не подконтрольной египетским фараонам, стал крупным греческим полисом, поддерживающим взаимовыгодные отношения с городами Балканской Греции.

К концу 6 в. до н.э. обширная приморская полоса Средиземноморья и Причерноморья была покрыта многочисленными греческими колониями, поддерживающими тесные экономические, политические и культурные связи с городами-метрополиями, что активизировало процесс исторического развития эллинской цивилизации.

Как уже было сказано, выселение части греческого населения из Эгейской Греции решало многие проблемы внутреннего развития греческих полисов. Через вновь основанные колонии греки установили связи с большим ареалом континентальной части Средиземноморской зоны, Западной и Восточной Европы, Малой Азии, Ливии, откуда они могли получать самое разнообразное сырьё, рабов и куда могли сбывать продукцию своего ремесла. В колониях, где сосредоточились самые разнообразные элементы, порвавшие отношения со своими родовыми коллективами, новые полисные структуры формировались значительно быстрее и свободнее, чем в метрополии, где груз старых родовых традиций довлел сильнее и тормозил становление новой цивилизации.

Освоение новых территорий, необходимость строить города, налаживать сельское хозяйство в непривычных условиях пробуждало творческую энергию колонистов и давало мощный толчок развитию производства, градостроительства, культуры. Взаимные контакты с обширным племенным миром Средиземноморья, древневосточными странами обогащали греческую культуру новыми знаниями, открывали новые горизонты в её развитии, способствовали формированию особой системы духовных ценностей в греческом обществе.

Основными чертами этой новой системы духовных ценностей стали:

- рационализм мышления грека;
- осознание могущества человеческой личности, прославление её активности, смелости и умения преодолевать препятствия, стремление к новым высотам;
- осознание свободы человека как необходимой сферы его жизнедеятельности.

Колонизация вывела греческий мир из состояния изоляции, в котором он оказался после крушения микенской культуры. Греки сумели многому научиться у своих соседей, в особенности у народов Востока. Так, у финикийцев было заимствовано алфавитное письмо, которое греки усовершенствовали, введя обозначение не только согласных, но и гласных. Из Финикии или из Сирии в Грецию попал секрет изготовления стекла из песка, а также способ добычи пурпурной краски из раковин морских моллюсков. Египтяне и вавилоняне стали учителями греков в астрономии и геометрии. Египетская архитектура и монументальная скульптура оказали сильное влияние на зарождавшееся греческое искусство. У лидийцев греки переняли изобретённую ими чеканку

монет. Все эти элементы чужих культур были творчески переработаны греками, приспособлены к насущным потребностям их жизни и вошли как органические составные части в греческую культуру.

Колонизация сделала греческое общество более подвижным, более восприимчивым. Она открывала широкий простор перед личной инициативой и творческими способностями каждого человека, что способствовало высвобождению личности из-под контроля рода и ускорило переход всего общества на более высокий уровень экономического и культурного развития.

В жизни греческих полисов на первый план выдвигаются мореплавание и морская торговля. Первоначально многие из колоний, находившихся на отдалённой периферии эллинского мира, оказались в экономической зависимости от своих метрополий. Колонисты остро нуждались в самом необходимом. Им не хватало таких продуктов, как вино и оливковое масло, без которых греки вообще не представляли себе нормальную человеческую жизнь. И то, и другое приходилось доставлять из Греции на кораблях. Из метрополий в колонии вывозилась также глиняная посуда и другая домашняя утварь, затем ткани, оружие, украшения и т.п. Эти вещи привлекают к себе внимание местных жителей, и те предлагают в обмен на них зерно и скот, металлы и рабов.

Незатейливые изделия греческих ремесленников первоначально не могли конкурировать с высококачественными восточными товарами, которые развозили по всему Средиземноморью финикийские купцы. Тем не менее, они пользовались большим спросом на удалённых от главных морских путей рынках Причерноморья, Фракии, Адриатики, где финикийские корабли появлялись сравнительно редко. В дальнейшем более дешёвая, но зато и более массовая продукция греческого ремесла начинает проникать и в «заповедную зону» финикийской торговли – в Сицилию, Южную и Среднюю Италию, даже в Сирию и Египет – и постепенно завоёвывает эти страны. Колонии мало-помалу превращаются в важные центры посреднической торговли между странами древнего мира. В самой Греции главными очагами экономической активности становятся полисы, стоящие во главе колонизационного движения. Среди них города острова Эвбея, Коринф и Мегара в Северном Пелопоннесе, Эгина, Самос и Родос в Эгейском архипелаге, Милет и Эфес на западном побережье Малой Азии.

Открытие рынков на колониальной периферии дало мощный толчок совершенствованию ремесленного и сельскохозяйственного производства в самой Греции. Греческие ремесленники упорно совершенствуют техническое оснащение своих мастерских. За всю последующую историю античного мира никогда больше не было сделано столько открытий и изобретений, как в архаический период. Достаточно указать на такие важные новшества, как открытие способа пайки железа или бронзового литья. Греческие вазы 7–6 вв. до н.э. поражают богатством и разнообразием форм, красотой живописного оформления. Среди них выделяются сосуды работы коринфских мастеров, расписанные в так называемом ориентализирующем, т. е. «восточном», стиле (его отличают красочность и фантастическая причудливость живописного декора), и более поздние вазы чернофигурного стиля, в основном афинского и пелопоннесского производства. Изделия греческих керамистов и бронзолитейщиков свидетельствуют о высоком

профессионализме и далеко продвинувшемся разделении труда не только между отраслями, но и внутри отдельных отраслей ремесленного производства. Основная масса керамики, вывозившаяся из Греции на внешние рынки, изготавливалась в специальных мастерских квалифицированными гончарами и художниками-вазописцами. Специалисты-ремесленники уже не были, как когда-то, бесправными одиночками, стоявшими вне общины и её законов и нередко не имевшими даже постоянного места жительства. Теперь они образуют весьма многочисленную и довольно влиятельную социальную прослойку. На это указывает не только количественный и качественный рост ремесленной продукции, но и появление в наиболее экономически развитых полисах особых ремесленных кварталов, где селились ремесленники одной определённой профессии. Так, в Коринфе начиная уже с 7 в. до н.э. существовал квартал гончаров – Керамик. В Афинах аналогичный квартал, занимавший значительную часть старого города, возник в 6 в. до н.э. Все эти факты говорят о том, что в течение архаического периода в Греции произошёл исторический сдвиг огромной важности: ремесло окончательно отделилось от сельского хозяйства как особая, совершенно самостоятельная отрасль товарного производства. Соответственно перестраивается и сельское хозяйство, которое может теперь ориентироваться не только на внутренние потребности семейной общины, но и на рыночный спрос. Связь с рынком становится делом первостепенной важности. Многие греческие крестьяне имели в те времена лодки или даже целые корабли, на которых они доставляли свою продукцию на рынки близлежащих городов (сухопутные дороги в гористой Греции были крайне неудобны и небезопасны из-за разбойников). В ряде районов Греции крестьяне переходят от выращивания плохо удававшихся здесь зерновых культур к более доходным многолетним культурам – винограду и масличным: превосходные греческие вина и оливковое масло пользовались огромным спросом на внешних рынках в колониях. В конце концов, многие греческие государства вообще отказались от производства своего хлеба и стали жить за счёт более дешёвого привозного зерна.

В архаический период произошёл переход греческого общества со стадии примитивного натурального хозяйства на более высокую стадию товарно-денежного хозяйства, для которой требовался универсальный эквивалент товарных сделок.

В греческих городах Малой Азии, а затем и в наиболее значительных полисах европейской Греции появляются свои монетные стандарты, подражающие лидийскому. Ещё до этого во многих областях Греции использовались в качестве основной меновой единицы небольшие металлические (иногда медные, иногда железные) бруски, называвшиеся оболами (букв. «спицы», «вертела»). Шесть оболов составляли драхму (букв. «горсть»), так как такое их количество можно было захватить одной рукой. Теперь эти древние названия были перенесены на новые денежные единицы, которые также стали называться оболами и драхмами. Уже в 7 в. до н.э. в Греции были в ходу два основных монетных стандарта – эгинский и эвбейский. Эвбейский стандарт был принят помимо о. Эвбея также в Коринфе, Афинах (с начала 6 в. до н.э.) и во многих западногреческих колониях, в остальных местах пользовались эгинским.

В основу обеих систем денежного чекана была положена весовая единица, именуемая талантом, которая в обоих случаях делилась на 6000 драхм (драхмы обычно чеканились из серебра, обол – из серебра, меди или бронзы). Талант как весовая единица был заимствован из Передней Азии; здесь был распространён вавилонский талант (бильту, около 30 кг) из 60 мин, или 360 сиклей, и финикийский талант (киккар, около 26 кг, что равно эвбейскому таланту) из 60 мин, или 360 сиклей. Эгинский талант весил 37 кг.)

Деньги во много раз ускорили начавшийся ещё до их появления процесс имущественного расслоения общины, ещё более приблизили полное и окончательное торжество частной собственности. Сделки купли-продажи распространяются теперь на все виды материальных ценностей. Не только движимое имущество: скот, одежда, утварь и т.п., но и земли, считавшиеся до сих пор собственностью не отдельных лиц, а рода или всей общины, свободно переходят из рук в руки: продаются, закладываются, передаются по завещанию или в качестве приданого.

Продаются и покупаются и сами деньги. Богатый человек мог отдать их в долг бедняку под процент. Вместе с ростовщичеством появилось долговое рабство. Обычным явлением становятся сделки самозаклада. Не имея возможности своевременно расплатиться со своим кредитором, должник отдаёт в заклад детей, жену, а затем и самого себя. Если долг и накопившиеся по нему проценты не выплачивались и после этого, должник со всем своим семейством и остатками имущества попадал в кабалу к ростовщику и превращался в раба, положение которого ничем не отличалось от положения рабов, взятых в плен или купленных на рынке.

Долговое рабство заключало в себе страшную опасность для молодых и ещё не окрепших греческих государств. Оно истощало внутренние силы полисной общины, подрывало её боеспособность в борьбе с внешними врагами. Во многих государствах принимались специальные законы, запрещающие или ограничивавшие закабаление граждан. Примером может служить знаменитая солоновская сейсахтейя («страхивание бремени») в Афинах. Однако чисто законодательными мерами едва ли удалось бы искоренить это страшное социальное зло, если бы рабам-соплеменникам не нашлась замена в лице рабов-чужеземцев. Основная масса рабов поступала на греческие рынки из колоний, где их можно было приобрести в больших количествах и по доступным ценам у местных царьков. Рабы составляли одну из главных статей скифского и фракийского экспорта в Грецию, массами вывозились из Малой Азии, Италии, Сицилии и других районов колониальной периферии.

Избыток дешёвой рабочей силы на рынках греческих городов впервые сделал возможным широкое применение рабского труда во всех основных отраслях производства. Покупные рабы появляются теперь не только в домах знати, но и в хозяйствах зажиточных крестьян. Рабов можно было увидеть в ремесленных мастерских и купеческих лавках, на рынках, в порту, на строительстве укреплений и храмов, на горных разработках. Везде они выполняли самую тяжёлую и унижительную работу, не требовавшую специальной выучки. Благодаря этому у их хозяев – граждан полиса появлялся избыток свободного

времени, который они могли посвятить занятиям политикой, спортом, искусством, философией и т. п.

Так закладывались в Греции основы нового рабовладельческого общества и вместе с тем новой полисной цивилизации, резко отличающейся от предшествующей ей дворцовой цивилизации крито-микенской эпохи, а также от цивилизаций древнего Востока.

К концу архаического периода был завершён процесс формирования полисных структур. Любой полис представлял собой самоуправляющуюся, или, как говорили греки, автономную общину, чаще всего не выходящую за пределы одного, обычно небольшого города и его ближайших окрестностей (отсюда и общепринятый в современной научной литературе перевод термина полис – «город-государство»). Государства, превышающие по своим размерам эту обычную для полиса норму, встречаются в Греции лишь в виде исключения. Основная особенность полисной организации, отличающая её от всех других видов государства, заключается в том, что здесь в управлении государством участвуют в какой-то, хотя, конечно, далеко не в равной, мере все члены данной общины, а не только избранная их часть, входящая в чрезвычайно узкий круг знати. Гражданская община (демос) практически сливается здесь с государством. Даже в наиболее консервативных и политически отсталых греческих полисах вроде Спарты все полноправные граждане имели доступ в народное собрание, которое считалось носителем высшей суверенной власти в государстве. Этот принцип был сформулирован уже в древнейшем из всех дошедших до нас политических документов – так называемой «Ретре Ликурга» (около 8 в. до н.э.). Её заключительная фраза гласила: «Сила и власть пусть принадлежат народу». Будучи выражением коллективной воли граждан полиса, решения народного собрания имели силу общеобязательного закона. В этом проявляется важнейший политический принцип, лежащий в основе полисной организации, – принцип подчинения меньшинства большинству, личности коллективу. Используя своё право верховного контроля над жизнью и поведением отдельных граждан, полис активно вмешивался в экономику, сдерживая рост частной собственности и сглаживая, таким образом, имущественное неравенство внутри гражданской общины. Во многих полисах контроль государства над частной собственностью граждан носил систематический характер. Наиболее типичными его проявлениями можно считать различные запреты и ограничения, налагавшиеся на покупку и продажу земли, так называемые литургии – повинности в пользу государства, выполнявшиеся наиболее зажиточными гражданами; законы против роскоши и т. д.

Для своего времени полис может считаться наиболее совершенной формой политической организации господствующего класса. Его главное преимущество перед другими формами и типами рабовладельческого государства, например перед восточной деспотией, заключается в сравнительной широте и устойчивости его социальной базы и в тех широких возможностях, которые он давал для развития частного рабовладельческого хозяйства. Полисная община объединяла в своём составе как крупных, так и мелких собственников, богатых земле- и рабовладельцев и просто свободных крестьян и ремесленников, гарантируя

каждому из них неприкосновенность личности и имущества и вместе с тем определённый минимум прав, и прежде всего, – права собственности на землю внутри полиса. В правоспособности греки видели основной признак, отличающий гражданина от негражданина. В то же время полис был военно-политическим союзом свободных собственников, направленным против всех порабощённых и эксплуатируемых и преследующим две основные цели: 1) удерживать в повинности уже имеющихся рабов; 2) организовывать военную агрессию против стран «варварского» мира, обеспечивая тем самым пополнение рабовладельческих хозяйств необходимой им рабочей силой.

3 Особенности формирования полисного строя в Спарте

В ходе ахейского нашествия на Балканы в начале 2 тыс. до н.э. греки-ахейцы через Фессалию проникли и на Пелопоннес, в южной части которого находилась область Лакония (наименее плодородная и незначительная). Мифологическая традиция греков утверждает, что на лаконские земли, где первоначально жили лелеги, прибыли ахейцы из царского рода, родственного Персеиде (персонаж древнегреческой мифологии, дочь титана Океана и Тефиды), место которых позднее заняли Пелопиды (потомки Пелопса являлись царями Микен и Аргоса; в их числе были Атрей, Агамемнон, Орест и др.). После завоевания Пелопоннеса дорийцами, Лакония досталась несовершеннолетним сыновьям Аристодема (легендарный спартанский царь, из рода Гераклидов, правивший в начале 11 в. до н.э.) Еврисфену и Проклу. От них произошли династии Агиадов (от имени Агиса I, сына Еврисфена) и Еврипонтидов (от имени Еврипонта, внука Прокла).

Многие учёные полагают, что действительного родства между династиями спартанских царей не было. Агиады, скорее всего, являлись старинным ахейским родом, который жил на Пелопоннесе ещё до дорийского вторжения. После долгой борьбы с дорийцами Еврипонтидами туземные вожди Агиады примирились с ними под условием разделить царскую власть. Имена родственников-Гераклидов, которых легенда называет предками двух царских родов, видимо, были выдуманы позже с целью объяснить, почему в Спарте не один царь, а два.

Главным городом Лаконии вскоре стала Спарта, расположенная вблизи древних Амикл, которые, как и остальные ахейские города, потеряли свои политические права. Наряду с господствующими дорийцами гомеями (букв. «равные» – полноправные граждане, которые в литературе чаще всего именуются спартанцами или спартиатами), население страны состояло из ахейцев, среди которых выделяли периэков (букв. «живущие вокруг») – лишённых политических прав, но лично свободных и имевших право на владение собственностью, и илотов – лишённых своих земельных участков и обращённых в рабов. Таким образом, основавшие Спарту дорийцы пришли в Лаконию как завоеватели и поработители местного ахейского населения.

Примерно с середины 8 в. до н.э. в Спарте, как и во многих других греческих государствах, стал ощущаться острый земельный голод. Внутриполитическая обстановка становилась всё более и более напряжённой. Об этом свидетельствует насильственная смерть царя Полидора (по традиционной датировке правил в 730–720 гг. до н.э.; командовал вместе с другим спартанским царём – Феопомпом – в Первой Мессенской войне), расширение полномочий эфоров, что повлекло

ограничение царской власти, и высылка парфений (букв. «девой рождённые» – якобы потомки детей незамужних спартанок; согласно Аристотелю, они являлись гражданами второго сорта, но входили в число гомеев, то есть аристократов), которые под начальством Фаланфа основали в 707 г. до н.э. г. Тарент на юге Апеннинского полуострова.

Как и все прочие крупные греческие полисы, Спарта вначале поддалась было модным в то время колонизационным веяниям. Однако вскоре проблему избыточного населения, требовавшую незамедлительного решения, спартанцы решили по-своему: они нашли выход в расширении своей территории за счёт ближайших соседей. Главным объектом спартанской агрессии стала Мессения – богатая и обширная область в юго-западной части Пелопоннеса. После побед в Мессенских войнах (743–723 и 685–668 гг. до н.э.) Спарте удалось окончательно её покорить.

Захват плодородных мессенских земель позволил спартанскому правительству приостановить надвигавшийся аграрный кризис. В Спарте был осуществлён широкий передел земли и создана стабильная система землевладения, основанная на строгом соответствии между числом наделов и числом полноправных граждан. Вся земля была поделена на 9000 приблизительно одинаковых по своей доходности наделов, которые были розданы соответствующему числу спартиатов (обычное наименование полноправных граждан в источниках). В дальнейшем правительство Спарты внимательно следило за тем, чтобы величина отдельных наделов оставалась всё время неизменной (их нельзя было, например, дробить при передаче по наследству), а сами они не могли переходить из рук в руки посредством дарения, завещания, продажи и т.д. Были поделены и прикреплённые к земле государственные рабы-илоты из числа покорённых жителей Лаконии и Мессении. Сделано это было с таким расчётом, чтобы на каждый спартанский клер (земельный надел) приходилось по нескольку илотских семей, которые своим трудом обеспечивали всем необходимым самого владельца клера и всю его семью.

В результате этой реформы спартанский демос превратился в замкнутое сословие профессиональных воинов-гоплитов, осуществлявших силой оружия своё господство над многотысячной массой илотов. Подневольный труд илотов избавлял спартиатов от необходимости добывать себе пропитание и оставлял им максимум свободного времени для занятий государственными делами и совершенствования в военном искусстве. Последнее было тем более необходимо, что после завоевания Мессении в Спарте создалась крайне напряжённая обстановка: здесь была нарушена основная заповедь рабовладельческой экономики, сформулированная впоследствии Аристотелем: избегать скопления больших масс рабов одного этнического происхождения. Илоты, составлявшие большинство среди трудового населения Спарты, говорили на одном и том же языке и мечтали только о том, как бы сбросить ненавистное иго спартанских завоевателей. Удержать их в повиновении можно было только с помощью систематического беспощадного террора.

Постоянная угроза илотского мятежа требовала максимальной сплочённости и организованности спартиатов. Поэтому одновременно с переделом земли в

Спарте была проведена целая серия реформ, вошедших в историю под именем «законов Ликурга». О жизни и деятельности Ликурга не сохранилось никаких достоверных свидетельств. Не удалось установить с достаточной точностью и время его реформ. Многие из современных историков считают его вымышленной личностью. Наиболее вероятно, что «ликургов строй» в окончательном виде сложился не ранее чем к концу 7 – началу 6 в. до н.э. Реформы эти в короткий срок до неузнаваемости изменили облик спартанского государства, превратив его в военный лагерь, все обитатели которого были подчинены казарменной дисциплине.

До реформ Ликурга Спарта как полисное общество и государство имела традиционные органы управления, восходящие ещё к родовому строю: Совет старейшин (герусию), собрание сообщинников-граждан (апеллу), двух царей (базилеев). Формально высшая власть в Спарте (как и в любом другом греческом полисе) принадлежала апелле – собранию всех полноправных воинов-гоплитов не моложе 30 лет (возраст совершеннолетия в Спарте). Апелла собиралась нерегулярно, от случая к случаю, для того, чтобы избрать должностных должностных лиц и утвердить решения верховного органа власти – герусии. Апелла утверждала мирные договоры и объявляла войны, избирала должностных лиц, военачальников и др. По сравнению с афинской экклесией роль апеллы в общей системе государственных органов была менее значительной. Дело в том, что члены апеллы только принимали или отвергали законы без всякого обсуждения, прений в нём не допускалось. Правом же внести законопроект на утверждение его в апелле имели только члены Совета старейшин (геронты) или эфоры.

В состав герусии входили 30 членов. 28 спартиатов-геронтов старше 60 лет, избранных из среды спартанской аристократии, занимали эту должность пожизненно. Кроме геронтов, в герусию входили два царя, считавшиеся верховными жрецами и главнокомандующими. Власть «царей» сильно ограничивал постоянный надзор со стороны эфоров. Всей полнотой власти «цари» пользовались лишь во время войны в качестве верховных главнокомандующих спартанской армии. Каждые 9 лет они подвергались религиозному испытанию и, в случае успешного прохождения его, получали право царствования на следующий срок. Как уже говорилось, в Спарте сохранилось две царские династии, одна – дорийская, другая – ахейская. Отсюда и диархия, т.е. один спартанский царь происходил из дорийской, а другой – из ахейской династии. Решения герусии не обсуждались. Если большинство спартанцев высказывалось против них, верховные правители могли попросту распустить собрание.

Голосовали в Спарте не обычным поднятием руки или с помощью жребия, а способом, который Аристотель называл «детским». Кандидаты на должность один за другим проходили перед собранием, которое встречало их криком. Специальная комиссия, отгороженная от места событий, на слух определяла силу крика. Избранным считался тот, чьё появление вызывало наибольший шум.

Фактическим управлением государства в Спарте занималась коллегия из пяти ежегодно избираемых высших чиновников – эфоров. Территориально

Спарта как полис состояла из пяти деревень, и от каждой из них выбирался один эфор. Коллегия эфоров являлась органом демократического контроля над деятельностью герусии и спартанских царей.

Однако при Ликурге произошло более чёткое размежевание функции традиционных органов государственного управления. В полномочиях царей была резко увеличена роль военной функции как главнокомандующих спартанской армии, в то время как судебские и жреческие функции отошли на второй план. Увеличилась правящая роль герусии. Она превратилась в полноправное и постоянное (не выборное) правительство с самой широкой компетенцией по всем вопросам гражданской, уголовной и военной жизни. Была чётко определена численность герусии (28 человек и 2 царя – всего 30 человек).

Поскольку Ликург полагал, что рядовые спартиаты должны заниматься военной подготовкой и повиноваться решениям герусии и царей, а не заниматься политическими диспутами – политическая роль апеллы уменьшилась. Она собиралась от случая к случаю, тогда, когда это было угодно правящей герусии, а роль её роль состояла в том, чтобы криком (а не правильно устроенным голосованием) поддержать предложения геронтов.

При Ликурге в системе государственных органов особое место заняла уже упомянутая коллегия эфоров из 5 человек. Если ранее она не имела чётко очерченных функций и играла потому вспомогательную роль, то теперь на неё были возложены следующие функции контроля:

- 1) за соблюдением действующих законов (в этих законах было предусмотрено всё, вплоть до мельчайших деталей, таких, как покрой одежды и форма бороды и усов, которые дозволялось носить гражданам Спарты);
- 2) за исполнением обязанностей должностными лицами, особенно царями;
- 3) за поведением отдельных граждан;
- 4) за настроениями илотов и периэков.

Более того, эфоры были не только надзирателями-контролёрами, они обладали правом наказания за неисполнение законов, включая отстранение царей от власти, отправления их в изгнание, не говоря о рядовых спартиатах. Они объявляли криптии (карательные мероприятия (избиения), периодически организовывавшееся спартанским государством для устрашения илотов). Таким образом, в их руках сосредоточилась огромная власть. Её ограничителем было избрание эфоров только на один год и запрет на повторное избрание. Ликург справедливо опасался, что длительное сосредоточение такой власти в руках одних и тех же лиц может привести к тирании.

Широкие контрольные полномочия эфоров, по замыслу Ликурга, должны были оперативно реагировать на нарушения законов и принимать предупредительные меры. Деятельность эфоров стала эффективным стабилизирующим механизмом по поддержанию установленного социального и политического порядка. Эфорат постепенно превратился в правительственный орган, стоящий над всем обществом. Это ещё больше усиливало тенденции развития Спартанского государства в сторону олигархии.

Спартанское государство активно вмешивалось в личную жизнь граждан, регламентируя деторождение и супружеские отношения. Суровый военный дух

пронизывал всю общественную и частную жизнь спартиатов. Почти всё воспитание граждан преследовало военные цели. Новорождённого родители должны были представить особой комиссии старейшин, которые решали, имеет ли право ребёнок продолжать жить, чтобы стать будущим гражданином великой Спарты. Хилых и неполноценных детей по решению этой комиссии отцы обязаны были сбросить со скалы. Установленный Ликургом образ жизни спартиатов как воинов предполагал непрерывные военные упражнения, которые делали невозможным не только постоянную хозяйственную деятельность, но и нормальную семейную жизнь, и в частности воспитание детей.

Поэтому Ликург разработал особую систему так называемого общественного воспитания детей. Под родительским присмотром мальчики оставались до семи лет, после чего заботу о них брало на себя государство. Закон строжайше обязывал каждого спартиата отдавать своих сыновей, как только им исполнится семь лет, в специальные лагеря – агелы (букв. «стадо»), где их подвергали зверской муштре, воспитывая в них выносливость, хитрость, жестокость, умение приказывать и повиноваться и другие качества, необходимые «настоящему спартанцу». В таких агелах мальчики и юноши (до 20 лет) проводили большую часть дня, возвращаясь в семью только к ночи. Содержание обучения заключалось главным образом в общей физической подготовке (с 7 до 12 лет) и военной подготовке (с 12 до 20 лет). На овладение основами знаний обращалось минимальное внимание, ограничивались лишь обучением письма, элементарного счёта и чтения. Главная цель обучения заключалась в подготовке умелого, тренированного, дисциплинированного воина. Такой воин должен побеждать в сражении и повиноваться властям, а не рассуждать о политике. Считалось, что это будут делать их начальники. Была разработана система мер, которая должна была воспитывать выносливость, хитрость, умение переносить тяготы военной службы.

Юные спартиаты питались простой и скудной пищей, большую часть года ходили без обуви, носили грубую одежду. Если учебный поход заставал их ночью, они должны были приготовить своими руками свою постель из тростника.

Ученикам устраивались специальные проверки на выносливость. Они состояли в том, что подростки подвергались бичеванию розгами, причём во время такой экзекуции юный спартиат не должен издавать никаких стонов. Уже с 14 лет подросткам разрешалось иметь оружие – начиналась военная подготовка. Отряды юношей несли сторожевую службу, наводя порядок в стране и расправляясь с илотами, убивая самых сильных и способных к сопротивлению. К 20 годам заканчивалось обучение, и воспитанник принимался в так называемую сисситию, т.е. сообщество взрослых спартиатов-воинов (у термина есть ещё и второе значение – совместная трапеза). Однако полноправным гражданином Спарты можно было стать лишь к 30 годам. До этого человек считался несовершеннолетним. Не позднее 30 лет следовало вступать в брак, иначе спартиат мог подвергнуться суровым мерам воздействия со стороны властей – его можно было безнаказанно избивать во время религиозных праздников. Только после свадьбы гражданину даровался от всей общины земельный участок с прикрепленными к нему илотами. Получив по достижению 30-летнего возраста

гражданские права, он уже мог участвовать в политической жизни своего государства. Отныне спартиат становился воином, защитником отечества.

Взрослые спартиаты в общеобязательном порядке посещали совместные трапезы – сисситии, ежемесячно выделяя на их устройство определённое количество продуктов. В руках правящей верхушки спартанского государства сисситии и агелы были удобным средством контроля над поведением и настроениями рядовых граждан.

Воспитание девушек-спартиаток, как считают античные авторы, мало отличалось от обучения юношей. Девочек закаляли и сурово воспитывали для того, чтобы впоследствии они стали здоровыми матерями и производили на свет крепких детей, будущих суровых и жестоких воинов, умеющих подчинять и подчиняться.

Установленная Ликургом общественная система воспитания позволяла готовить воинов-профессионалов высокого класса, а спартанскую армию превращала в лучшую армию своего времени.

Разумеется, наличие такой армии позволило Спарте вести активную внешнюю политику, превратившись тем самым в серьёзную угрозу для своих соседей. Когда Спарта после тяжёлых войн победила аркадян, а вскоре (после 660 г. до н.э.) заставила Тегею признать свою гегемонию и вынудила заключить военный союз, в глазах многих греков (и не только греков) она стала первым государством Греции. Спартанцы импонировали своим почитателям тем, что пытались свергнуть тиранов, которые с 7 в. до н.э. появлялись почти во всех греческих государствах. Спартанцы способствовали изгнанию Кипселидов из Коринфа и Писистратов из Афин, освободили Сикион, Фокиду и несколько островов Эгейского моря. Тем самым спартанцы приобрели себе в разных государствах благодарных и знатных сторонников.

Дольше всего соперничал со Спартой за первенство Аргос. Однако, когда спартанцы в 550 г. до н.э. завоевали пограничную область Кинурии с городом Фиреей, царь Клеомен около 520 г. до н.э. нанёс аргивянам решительное поражение при Тиринфе, и с тех пор Аргос держался вдали от всех областей, которыми руководила Спарта.

К середине 6 в. до н.э. оформилось военно-политическое объединение многих полисов Пелопоннеса во главе со Спартой, которое получило название Пелопоннесский союз. Члены этого объединения сохраняли государственную самостоятельность, но должны были координировать свою внешнюю политику и, главное, формировать общее войско на случай военных действий. Таким образом, Спарта не только стала хозяином в Пелопоннесе, где у неё фактически не осталось опасных противников, но и получила в своё распоряжение воинские контингенты союзников, поступившие под её командование. Организация Пелопоннесского союза превращала Спарту в доминирующую силу греческого мира.

4 Особенности формирования полисного строя в Афинах

Формирование Афинского государства было результатом настойчивой преобразовательной деятельности многих поколений греческих законодателей. О большинстве из них мы почти ничего не знаем. Античная традиция донесла до нас

лишь несколько имён, среди которых особенно видное место занимают имена двух выдающихся афинских реформаторов – Солон и Клисфена.

Наиболее значительные преобразования в Древней Греции, как правило, проводились в обстановке острого политического кризиса. Известен ряд случаев, когда граждане того или иного государства, доведённые до отчаяния бесконечными распрями и смутами и не видевшие иного выхода из создавшегося положения, избирали одного из своей среды посредником и примирителем. Одним из таких примирителей являлся Солон, избранный в 594 г. до н.э. на должность первого архонта с правами законодателя (архонты (букв. «начальствующие») – правящая коллегия должностных лиц, состоявшая из девяти человек; первый архонт считался председателем коллегии, по его имени в Афинах обозначался календарный год). Он разработал и осуществил широкую программу социально-экономических и политических преобразований, конечной целью которых было восстановление единства полисной общины, расколотой гражданскими междоусобицами на враждующие политические группировки.

Наиболее важной среди реформ Солон была коренная реформа долгового права, вошедшая в историю под названием сейсахтейя (букв. «страхивание бремени»). Солон и в самом деле сбросил с плеч афинского демоса ненавистное бремя долговой кабалы, объявив все долги и накопившиеся по ним проценты недействительными и запретив на будущее сделки самозаклада. Сейсахтейя спасла крестьянство Аттики от порабощения и тем самым сделала возможным дальнейшее развитие демократии в Афинах.

Освободив афинский демос от тяготевшей над ним задолженности, Солон, однако, отказался выполнить другое его требование – произвести передел земли. По словам самого Солон, в его намерение вовсе не входило полностью уравнивать знать и простонародье в имущественном и социальном отношении. Солон попытался лишь приостановить дальнейший рост крупного землевладения и тем самым положить предел засилью знати в экономике Афин. Известен закон Солон, запрещающий приобретать землю свыше определённой нормы. Очевидно, эти меры имели успех, так как в дальнейшем, на протяжении 6–5 вв. до н.э., Аттика оставалась по преимуществу страной среднего и мелкого землевладения, в которой даже самые большие рабовладельческие хозяйства не превышали по площади нескольких десятков гектаров.

Была также установлена свобода завещания, что способствовало развитию частной собственности; учреждён новый государственный орган – Совет четырёхсот, осуществлён ряд мероприятий, которые поощряли ремесло и торговлю. Солону приписывается также разделение всех граждан имущественным цензом на 4 разряда: пентакосиомедимны (граждане, имевшие доход в 500 медимнов зерна, масла или вина в год (1 медимн равнялся примерно 52,5 л), гиппеи (всадники – граждане, доход которых составлял 300 медимнов), зевгиты (имевшие годовой доход в 200 медимнов), феты (граждане, доход которых составлял менее 200 медимнов). Принадлежность к разрядам стала определять права и обязанности граждан перед государством.

Также Солон реформировал аттический календарь, введя систему октаэтерид. Однако социально-политическая борьба не прекратилась. Реформами

были недовольны как крестьяне, не достигшие передела земли, так и родовая знать, утратившая прежнее привилегированное положение.

Ещё один важный шаг в сторону демократизации афинского государства и укрепления его внутреннего единства был сделан в конце 6 в. до н.э. (между 509 и 507 гг. до н.э.) Клисфеном (между Солоном и Клисфеном в Афинах правил тиран Писистрат, а затем его сыновья, тирания же была ликвидирована в 510 г. до н.э.). Если реформы Солона подорвали экономическое могущество знати, то Клисфен, хотя он сам был выходцем из знатного рода, пошёл ещё дальше. Главной опорой аристократического режима в Афинах, так же как и во всех других греческих государствах, были родовые объединения – филы и фратрии. С древнейших времён весь афинский демос делился на четыре филы, в каждую из которых входило по три фратрии. Во главе каждой фратрии стоял знатный род, ведавший её культовыми делами. Рядовые члены фратрии обязаны были подчиняться религиозному и политическому авторитету своих «вождей», оказывая им поддержку во всех их предприятиях. Занимая господствующее положение в родовых союзах, аристократия держала под своим контролем всю массу демоса. Против этой политической организации Клисфен и направил свой главный удар. Он ввёл новую, чисто территориальную систему административного деления, распределив всех граждан по десяти филам и ста более мелким единицам – демам. Филы, учреждённые Клисфеном, не имели никакого отношения к старым родовым филам. Более того, они были составлены с таким расчётом, чтобы лица, принадлежавшие к одним и тем же родам и фратриям, были впредь политически разобщены, проживая в разных территориально-административных округах. Клисфен смешал все население Аттики, не считаясь с его традиционными политическими и религиозными связями. Таким образом, ему удалось решить одновременно три важные задачи:

1) афинский демос, и прежде всего – крестьянство, составлявшее весьма значительную и вместе с тем наиболее консервативную его часть, был освобождён из-под древних родовых традиций, на которых основывалось политическое влияние знати;

2) были прекращены нередко возникавшие распри между отдельными родовыми союзами, угрожавшие внутреннему единству афинского государства;

3) были привлечены к участию в политической жизни те, кто до этого стоял вне фратрий и фил и в силу этого не пользовался гражданскими правами.

Реформы Клисфена завершают собой первый этап борьбы за демократию в Афинах. В ходе этой борьбы афинский демос добился больших успехов, политически вырос и окреп. Воля демоса, выраженная путём общего голосования в экклесия (народном собрании), приобретает силу обязательного для всех закона. Все должностные лица, не исключая и самых высших – архонтов и стратегов (коллегия из десяти стратегов – военачальников, командовавших армией и флотом – была впервые учреждена Клисфеном), выбираются и обязаны отчитываться перед народом в своих действиях, а в том случае, если допущена какая-нибудь провинность с их стороны, могут быть подвергнуты тяжёлому наказанию. Рука об руку с народным собранием работал созданный Клисфеном совет пятисот (буле) и учреждённый Солоном суд присяжных (гелиея). Совет

пятисот выполнял при народном собрании функции своеобразного президиума, занимаясь предварительным обсуждением и обработкой всех предложений и законопроектов, поступавших затем на окончательное утверждение в эkkлeсию. Поэтому декреты народного собрания в Афинах начинались обычно с формулы: «Постановили совет и народ». Что касается гелиеи, то она была в Афинах высшей судебной инстанцией, в которую все граждане могли обращаться с жалобами на несправедливые решения должностных лиц. Как совет, так и суд присяжных избирались жеребьёвкой по десяти филам, учреждённым Клисфеном. Благодаря этому в их состав могли попасть наравне с представителями знати также и рядовые граждане. Этим они в корне отличались от старого аристократического совета и суда – ареопага.

Сложившаяся в результате реформ Солона и Клисфена система государственного управления оценивалась древними как умеренная форма демократии. Наибольшим значением в политической жизни Афин пользовалась прослойка зажиточного крестьянства, оттеснившая на задний план как старую земельную знать, так и торгово-ремесленные слои городского населения. Зажиточные крестьяне-зевгиты (зевгит – от греческого слова зевгос – «ярмо», «упряжка»; упряжка из двух волов была главной рабочей силой в хозяйстве греческого крестьянина) составляли политически активное ядро народного собрания. Из них же формировалось тяжеловооружённое гоплитское ополчение (гоплит – пеший воин, имеющий полный комплект тяжёлого защитного вооружения: поножи, панцирь, шлем и щит), которое становится теперь решающей силой на полях сражений, почти совершенно вытеснив с них аристократическую конницу.

Малоземельные крестьяне, равно как и городская беднота, активного участия в управлении государством в то время ещё не принимали, хотя формально и те и другие считались афинскими гражданами. Следует иметь в виду, что, начиная со времени Солона, доступ во многие из правительственных учреждений был ограничен в Афинах высоким имущественным цензом. Так, членом совета мог стать лишь человек, принадлежавший к разряду зевгитов, т. е. тот, кто получал со своей земли не менее двухсот мер годового дохода. Самый высокий ценз был установлен для должности архонта – не менее пятисот мер годового дохода. Представители последнего, четвёртого по счету разряда фетов (в этот разряд входили граждане, получавшие менее 200 мер годового дохода с земли, а также те, у кого земли вообще не было) были допущены только в народное собрание и в суд присяжных. Потребовалось не одно десятилетие упорной политической борьбы для того, чтобы принцип гражданского равноправия был проведён в Афинах последовательно.

Строительство государства, в основу которого закладывались принципы республиканской демократии, предполагало и соответствующее воспитание его граждан.

Система образования и воспитания подрастающего поколения в Афинах была направлена, прежде всего, на формирование гармонически развитой личности, гражданина-патриота, активно принимающего участие в политической жизни полиса и в случае вражеской угрозы – защитника всего гражданского

коллектива. До семи лет мальчики воспитывались в доме под присмотром матери, а затем передавались под надзор педагога – как правило, престарелого раба, который сопровождал ребёнка в школу, следил за его поведением на улице, носил его школьные принадлежности. В Афинах были лишь частные школы, хотя известно, что, например, в Спарте, Дельфах и на Крите они контролировались государством. В школе учили чтению, письму, ученики заучивали наизусть поэмы Гомера, обучались счёту.

Уже с 12 лет одновременно с обучением проводились гимнастические занятия, которые, как считали афиняне, должны были подготовить ребёнка служению родине и её защите. Такие занятия проводились в палестрах, где под руководством специального учителя юноши-неоты занимались бегом, прыжками, метанием копья и диска, борьбой. В состоятельных семьях мальчиков обучали верховой езде. К 16 годам общее образование завершалось. Доступное не для всех высшее образование проходило в философских школах, которые были только в крупных греческих полисах.

С 18 лет афинские юноши переходили в разряд эфебов, которые несли своеобразную солдатскую службу. В ходе её эфебов обучали военному делу, однако в свободное время они могли заниматься философией, учиться красноречию, посещать гимнасии. После завершения этой службы и достижения 20-летнего возраста имена эфебов заносились в списки граждан, и они могли участвовать в политической жизни полиса, становясь членами Народного собрания. Выборные же должности афиняне имели право занимать лишь с 30 лет.

Воспитание афинских девочек не носило подобного общественного характера. Они с рождения и примерно до 15 лет (время вступления в брак) находились под присмотром матери, занимаясь чтением, письмом, музыкой, рукоделием, обучаясь ткачеству и домоводству. Афинские девушки вели затворнический образ жизни, выходить на улицу и принимать участие в религиозных процессиях им можно было только в сопровождении старших.

Афинская демократия даёт представление лишь об одном из возможных путей развития раннегреческого полиса. В течение архаического периода в Греции возникло много очень разнообразных типов и форм полисной организации.

Таким образом, мы познакомились с двумя крайними, наиболее различившимися формами раннегреческого полиса (но были и другие, в большей или меньшей степени отличавшиеся от рассмотренных). Одна из этих двух форм, сложившаяся в Афинах в результате реформ Солона и Клисфена, обеспечивала гражданам гармоническое развитие личности и оказалась более способной к развитию и, следовательно, исторически более перспективной в сравнении со другой – казарменной спартанской. Афины не знали свойственной Спарте полной политической дискриминации всех людей физического труда. Именно Афинам суждено было стать в дальнейшем главным оплотом греческой демократии и вместе с тем крупнейшим культурным центром Греции, «школой Эллады», как говорил Фукидид.

Однако, говоря о существенных различиях в общественном и государственном устройстве Афин и Спарты, мы не должны упускать из виду то

общее между ними, что позволяет считать их двумя разновидностями одного и того же типа государства – древнегреческого полиса.